

вое поколение его читателей, но и ближайшие одно-два поколения были современниками всех или хотя бы части описываемых им событий. Затем человек, собирающий сведения о современных ему событиях, не может обойтись без устных источников, т. е. без устных рассказов современников. Историческое событие порождает зачастую множество слухов, в которых само событие преломляется самым различным образом. Отклонения от достоверных рассказов Диона скорее всего следует приписать параллельной устной традиции, которую охотно использовал Геродиан, чтобы обогатить свою историю рядом увлекательных картинок. Вокруг городских и дворцовых новостей не могли не возникать разнообразие слухи. Нам известно, что в Риме существовало особое выражение для обозначения распространения слухов вокруг дворца — *fumus (fumos) vendere*, причем усиление о продаваемом дыме означает неосновательность слуха. Впервые мы встречаемся с этим выражением у Марциала (IV, 5, 7), когда он, выражая недоумение по поводу переселения в Рим хорошего бедного человека, язык и сердце которого правдивы, перечисляет все непорядочные и нечестные занятия, какими можно добывать в столице средства к существованию. Одно из них — *vendere... vanos circum Palatia fumos* «продавать... пустые дымы вокруг дворца», т. е. заниматься распространением вздорных сообщений о том, что делается во дворце. Это место Марциала не позволяет нам думать, будто сочетание *vendere fumos*, не раз встречающееся в *HA*, возникло лишь в IV в., которым датируется *HA*, или незадолго до того. И стих Марциала, и соответствующее место из *HA* убеждает в том, что отмеченное выражение отнеслось к лицам, которые, пользуясь своей действительной или мнимой близостью к носителю верховной власти, пускали в ход лживые сообщения с корыстной целью. Яснее всего это сказано в биографии Гелиогабала (10, 3). Любимец императора Зотик «торговал всеми словами и поступками Гелиогабала (*qui... omnia Heliogabali dicta et facta venderet fumis*), накапливая огромные богатства преимущественно тем, что морочил людей: «одним он угрожал, другим давал обещания, всех обманывал» (см. и другие места — «Антоин Пий», 11, 1; «Александр Север», 23, 8; 36, 2—3). Этот специфический источник слухов не был, конечно, единственным. Слухи рождались во дворце, около дворца и в городе Риме, ходили не только в столице, но и вдали от нее. Там, где Дион писал на основании увиденного, пережитого или дворцовых слухов, полученных из первых рук, Геродиан пользовался циркулировавшими в Риме и вне его слухами. В этом, может быть, и состоит особая ценность его труда. Возьмем в качестве примера два-три сообщения Геродиана. Мятеж, произошедший в царствование Коммоды и направленный против его фаворита Клеандра, описан не совсем одинаково у Диона-Кассиолина (LXXV, 12—13) и Геродиана (I, 12, 3—13, 6). У Геродиана прежде всего нет точных топографических указаний, какие имеются у Диона; ситуация сравнительно с Дионом упрощена. Главное же, Коммоду открывает глаза на происходящее не его наложница Марция, а его сестра Фадилла. Очень трудно было бы объяснить, почему для драматической сцены, какую дает Геродиан, не годилась Марция и обязательно нужна была императорская сестра. Все становится понятным, если мы допустим, что лица, более или менее близкие ко двору, в том числе сенаторы, знали, что Коммода уведомила об этом Марция, а в народе ходила другая версия, приписывавшая эту роль достаточно известной в городе Фадилле, вдове погубленного некогда Клеандром Бирра (или Бурра).

Скандалный способ, каким Дидий Юлиан приобрел свою власть, разумеется, не мог не породить разные рассказы, в которых подробности события передавались по-разному. Дион (LXXXIII, 11, 3) выбрал для своего сообщения один из ходивших вариантов, Геродиан (II, 6, 4) — другой.

Столь же понятно, что произошедшее при своеобразных обстоятельствах, к тому же вдали от Рима, убийство Каракаллы обставлялось в устных рассказах разными подробностями. Геродиану не было надобности переделывать Диона, если до него дошел устный рассказ, независимый от того рассказа, какой оказался в руках у Диона.

Высказанные нами соображения отнюдь не противоречат твердо установленному факту — умению Геродиана приукрашивать свои рассказы всеми средствами, доступными писателю, получившему в духе времени риторическое образование. Мы пред-

почли бы, однако, воздержаться от приписываний ему стремления создавать свои версии, т. е. фантазировать на почве рассказов Диона. Рецензируемая книга Кольба знаменует собой важный этап в изучении взаимоотношений памятников античной историографии, в которых нашли отражение события одного из интереснейших периодов истории Римского государства.

А. И. Доватур

P. BRIANT, Alexandre le Grand, Paris, Presses Universitaires de France, 1974, 128 стр.

Книга преподавателя древней истории Университета им. Франсуа Рабле (гор. Тур, Франция) Пьера Бриана вышла в известной серии «Que sais-je? Le point des connaissances actuelles». Несмотря на научно-популярный характер книги (краткость изложения, сравнительно небольшое число примечаний, ограниченность прямых ссылок на литературу), она заслуживает самого пристального внимания как яркий показатель определенной тенденции в современной западной литературе, посвященной Александру Македонскому. В последние годы все чаще появляются работы¹, в которых его личность и деятельность рассматриваются не сквозь призму идеализации и не с точки зрения выявления неких иррациональных побуждений героя — сверхчеловека (как в книгах В. Тарна, Ч. Робинсона, Ж. Раде, П. Клоше, отчасти Ф. Шахермейера²). Последовательнее других по этому пути идет П. Бриан. Стремление выявить реальные мотивы деятельности Александра, понять их, исходя из той конкретной исторической обстановки, в которой она развертывалась, понять мотивы и характер действий противников македонского царя, исходить из данных источников, а не из предвзятых идей — таковы основные принципы подхода П. Бриана к исследуемым проблемам. Он резко и часто весьма ядовито полемизирует с историками, видящими в Александре «поэта», поход которого был продиктован стремлением познать неизвестное. Весьма критичен П. Бриан и к идеям тех, кто считает, что оценивать поступки великого завоевателя, исходя из норм «обычной психологии», невозможно. Как П. Бриан указывает в предисловии, его работа не является биографией Александра: «Я пытаюсь изложить главные аспекты исторического феномена, который нельзя сводить только к личности Александра, сколь бы важным ни признавать личный элемент» (стр. 5).

Композиция книги не совсем обычна: после введения «Александр до высадки в Азии (356—334)» следуют пять глав: в первой конспективно излагается ход завоевания Востока, а четыре последующие главы посвящены важнейшим проблемам этого исторического периода: причины и цели завоевания Александра (гл. II); характер сопротивления и его значение (гл. III); организация завоеванной территории (гл. IV); отношения между завоевателями и завоеванным населением (гл. V). Поскольку существует четкая система взаимных отсылок между первой и последующими главами, изложение конкретного материала достаточно органично увязывается с более теорети-

¹ См., например, R. D. Milns, *Alexander the Great*, L., 1968; P. Green, *Alexander the Great*, L., 1970.

² W. W. Tarn, *Alexander the Great*, vol. I—II, Cambr., 1948; Ch. A. Robinson, *Alexander the Great. The Meeting of East and West in World Government and Brotherhood*, N. Y., 1947; G. Rade, *Alexandre le Grand*, P., 1950; P. Cloué, *Alexandre le Grand*, 2e ed., P., 1961; F. Schachermeyr, *Alexander der Grosse. Das Problem seiner Persönlichkeit und seines Wirkens*, Wien, 1973.

ческим рассмотрением основной проблематики. Подобный принцип изложения избавляет от необходимости касаться содержания первой главы ³.

Во второй главе «Причины и цели завоевания», выясняя причины похода Александра, П. Бриан значительное внимание уделяет тому факту, что военные действия против персов начал уже Филипп, и молодой царь Македонии, естественно, должен был продолжить военную кампанию своего предшественника. Автор не согласен с высказывавшейся в научной литературе мыслью о том, что на деятельность Филиппа оказали влияние идеи Исократ. Он отмечает глубокое различие их программ: Исократ мечтал использовать македонское могущество для возрождения афинского империализма, а Филипп стремился использовать Коринфский союз для осуществления своих планов. Безусловно, в такой трактовке есть значительная доля истины, однако при этом опускается один немаловажный аспект взглядов Исократ — в его идеях присутствовал не только афинский патриотизм, но и ясно выраженная социальная позиция: стремление уберечь Элладу имущих от возможных социальных потрясений и в походе на Восток и его колонизации найти путь к разрешению острых социальных конфликтов, раздиравших Грецию в IV в. до н. э.

Нельзя не согласиться с П. Брианом, что отряды, выделенные полисами, которые входили в Коринфский союз, для похода на Восток, в армии Александра играли двойную роль. Во-первых, само их наличие должно было свидетельствовать о том, что идет общеэллинский «поход возмездия» против персов с целью отмщения за разрушенные греческие святилища в годы греко-персидских войн. Во-вторых, эти отряды должны были служить своего рода заложниками, обеспечивавшими спокойствие Греции во время восточного похода. Вся политика Александра в отношении Греции в эти годы диктовалась, в сущности, одним соображением: необходимостью иметь спокойный тыл. Филэллинизм Александра всегда был только позой, одним из методов пропаганды и в число реальных стимулов политики он никогда не входил. Не случайно, что филэллинизм Александра наиболее явственно проявлялся тогда, когда развитие событий в Элладе принимало угрожающий его власти характер. Особенно показательны взаимоотношения Александра с греческими городами Малой Азии, находившимися к началу похода под властью Персии. Решительно отвергая взгляды тех исследователей, которые видят в стремлении освободить греческие города одну из основных (если не основную) причин похода, П. Бриан (отчасти солидаризируясь с Э. Бикерманом ⁴) считает, что отношение македонского царя к этим полисам определялось единственным фактором — их собственным отношением к Александру, т. е. добровольное подчинение обеспечивало им внутреннюю автономию, сопротивление же приводило к тому, что к ним применялось обычное для античности право войны.

Касаясь планов завоевания Индии, П. Бриан отмечает следующее, с его точки зрения, важное обстоятельство: Александр за несколько лет до начала индийского похода уже планировал его, стремясь, прежде всего, поставить под свою власть все те страны, которые были под властью Ахеменидов (хотя бы номинальной) в период наивысшего подъема персидской мощи, т. е. при Дарии I. Автор решительно не согласен с точками зрения, столь широко представленными в современной западной литературе: желание познать неизвестное, стремление повторить и превзойти подвиги Геракла и Диониса, «потос», стремление к географическим открытиям — вот что, как считают, двигало Александром. Особенно резко П. Бриан высмеивает попытки уподобить его Колумбу — Александр не открывал никаких новых земель, все эти терри-

³ Отметим только, что П. Бриан решительно возражает Э. Бэдиану (E. Badian, The death of Philip II, «Phoenix», XVII, 1963, № 4, стр. 244—250), недавно возродившему старую идею: Александра он считает организатором заговора против Филиппа. П. Бриан полагает, что источники не позволяют сделать такого вывода. Напротив, они позволяют думать, что именно в Александре Филипп видел своего наследника и поэтому у сына не было никаких причин для организации убийства отца.

⁴ E. Bickermann, Alexandre le Grand et les villes d'Asie, REG, XLVII, 1934, № 219—223, стр. 346—374.

тории были известны еще со времен Дария I, и царь Македонии мог ознакомиться с картами, которые, несомненно, хранились в Сузах или Вавилоне.

Важнейшую причину похода Александра в Индию (в том числе и неудавшейся в силу сопротивления армии попытки проникнуть в долину Ганга) П. Бриан видит в его стремлении поставить под свой контроль торговые пути⁵. Бесспорно, прав П. Бриан, когда решительно отвергает мнение А. Брелэра и Г. Шивека, полагающих, что в Индии Александр хотел пройти только вдоль Инда и не намеревался расширить свои завоевания далее на Восток. Отказ воинов македонской армии от дальнейшего похода они считают позднейшей выдумкой античных писателей, старавшихся усилить драматизм ситуации, в которой оказался Александр. Но если критика этих взглядов кажется совершенно справедливой, то сведённые цели похода за Ганг только к приобретению контроля над торговыми путями представляется недостаточным и малообоснованным.

Большой интерес представляет третья глава «Сопротивление завоеванию». П. Бриан подчеркивает, что слишком часто поход Александра рассматривается как триумфальное шествие, не встречающее никакого серьезного сопротивления. В действительности же историческая картина была иной, Александр и его армия неоднократно оказывались в критическом положении. Необходимо, как справедливо замечает автор, тщательный анализ характера сопротивления Александру: сопротивление Дария и ахеменидской армии (334—330 гг. до н. э.), которое было тем более опасным, что происходило одновременно с восстанием в Греции (333—331 гг. до н. э.); борьба народов Бактрии и Согдианы (330—327 гг. до н. э.), часто угрожавшая гибелью македонской армии; параллельно развивалась оппозиция в самой армии Александра, что в конце концов заставило македонского царя прекратить поход (лето 326 г. до н. э.).

П. Бриан решительно возражает против широко распространенного мнения относительно слабости и неспособности царя Дария организовать отпор македонскому завоеванию. Еще в ходе первого этапа борьбы (до гибели Дария) македонская армия дважды оказалась в крайне тяжелом положении, так как персы организовали очень серьезные контрнаступления: одно после битвы при Гранике, второе после битвы при Иссе. Первое обычно довольно широко освещается в научной литературе, хотя часто (как, например, у Даскалакиса⁶) решающее значение в конечной неудаче его для персов придают безвременной смерти Мемнона. Не совсем избежал влияния этого мнения и П. Бриан. Значение же второго контрнаступления, весьма скудно освещенного источниками, выявляется только благодаря работам П. Бриана⁷. Автор доказывает, что достаточно мощные персидские силы (в порядке отступавшие после битвы при Иссе) под командованием Набарзана, опираясь на Каппадокию и Пафлагонию, попытались восстановить персидский контроль над всей Малой Азией. По мнению П. Бриана, положение македонского царя в этот момент оказалось трагическим. Дарий собирал новые силы в Вавилонии, наступление Набарзана угрожало прервать связь армии завоевателей с Македонией, что было тем более опасно, что персидский флот удерживал господство на море. Агис в Спарте готовился начать выступление против македонян, сам же Александр был связан осадой Тира. Снять осаду он не мог не только потому, что такая явная неудача воодушевила бы противников, но главным образом потому, что взятие Тира составляло важнейшее звено всей стратегии македонского царя в это время — уничтожить персидский флот путем захвата его баз. В такой обстановке Александр был вынужден обратиться к исключительным мерам — он поручил сатрапу Великой Фригии Антигону командование всеми своими войсками в Малой Азии. Только опираясь на эту объединенную силу, Антигон смог отразить персидское контрнаступление. Именно данное событие, а не битву при Иссе П. Бриан считает поворотным пунктом войны: срыв персидского

⁵ В тесную связь с проблемой контроля над торговыми центрами и путями П. Бриан ставит также решение вопроса о так называемых «последних планах» Александра.

⁶ A. B. D a s c a l a k i s, *Alexandre the Great and Hellenism*, Thessalonike, 1966, стр. 182.

⁷ См. P. B r i a n t, *Antigone le Borgne*, P., 1973, стр. 53—74.

(если ориентироваться на описание «царской экономики» в Псевдо-Аристотелевой «Экономике») она имела чисто фискальный характер. В данном же случае дело шло об изыскании новых финансовых средств для продолжения завоеваний.

В пятой главе «Александр между македонянами, греками и иранцами» прежде всего привлекает внимание раздел о македонской оппозиции в армии Александра. П. Бриан полагает, что определенная группа македонской знати решительно противилась процессу превращения традиционной македонской монархии в автократическую монархию по ахеменидской модели. Соглашаясь в принципе с этим тезисом, хотелось бы сделать два замечания. Представляется необоснованным исключительное внимание автора только к этой группе. А. Бриан оставляет совершенно в стороне ту группировку македонской знати, которая поддерживала Александра. Между тем, сопоставление характера и состава этих двух группировок могло бы привести к выявлению социальных корней их позиций⁹.

Еще одно соображение: во многих работах (в том числе и в книге П. Бриана) в трактовке вопроса о трансформации власти Александра Македонского неоправданно большое внимание уделяется личному моменту, личности самого Александра. В то же время упускается из виду одно весьма важное, как представляется, обстоятельство, а именно, что Александр завоевал древневосточное государство деспотического типа. Деспотия на древнем Востоке, как известно, была порождена не характером правителей, а социальными условиями. Государство в древности на Востоке могло существовать в силу сложившихся там социально-экономических отношений только в такой форме. Видимо, Александр интуитивно сознавал это, чем и объясняется эволюция его взглядов, его стремление к полной автократии.

В понимании знаменитой проблемы «слияния народов» П. Бриан правильно, как нам кажется, указывает на то, что эта политика, в сущности, касалась только двух небольших групп населения обширной державы: македонской и иранской знати. Автор полностью отвергает все те идеи, неоднократно пропагандировавшиеся в западной литературе (В. Тарн, Ч. Робинсон, П. Клоше и др.), согласно которым Александр выступал как «первый интернационалист», протагонист братства народов.

Книга П. Бриана, бесспорно, вызовет интерес у всех специалистов. Написанная иногда очень конспективно, она ориентирована на решение большого круга важных проблем и достаточно полно выражает концепцию автора. Взгляды и суждения П. Бриана своей трезвостью и верностью во многом не могут не imponировать.

Л. П. Маринович

⁹ См., например, К. К. З е л ь и н, К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (Заговор Филоты), «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 255 слл.